

РИТА ХОФФМАН

МРАЧНЫЙ ВЗВОД

БЫЛЬ ИЛИ НЕБЫЛЬ

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Рита Хоффман

Мрачный Взвод. Быль или небыль

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 82-312.9(470+571)
ББК 84(2Рос)6-445.13

Хоффман Р.

Мрачный Взвод. Быль или небыль / Р. Хоффман — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281264-6

В безымянных землях мертвые не всегда остаются в могилах, ведьмы живут дольше людской памяти, а за каждый выбор приходится платить. Путь охотников Мрачного Взвода и воинов Святого Полка не окончен. Мрачные легенды, забытые обряды, новые испытания и сказки, рассказанные не людьми, а нечистью, – все это уже случилось с героями – или же только случится... Это истории о боли, верности, любви и надежде, которая не гаснет даже в самые темные времена.

УДК 82-312.9(470+571)
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-281264-6

© Хоффман Р., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Информация от издательства	6
Мертвые заходят в дом	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Рита Хоффман

Мрачный взвод. Быль или небыль

Информация от издательства

Хоффман, Рита

Мрачный Взвод. Быль или небыль / Рита Хоффман. – Москва: МИФ, 2026. – (Мрачные миры Риты Хоффман).

ISBN 978-5-00281-264-6

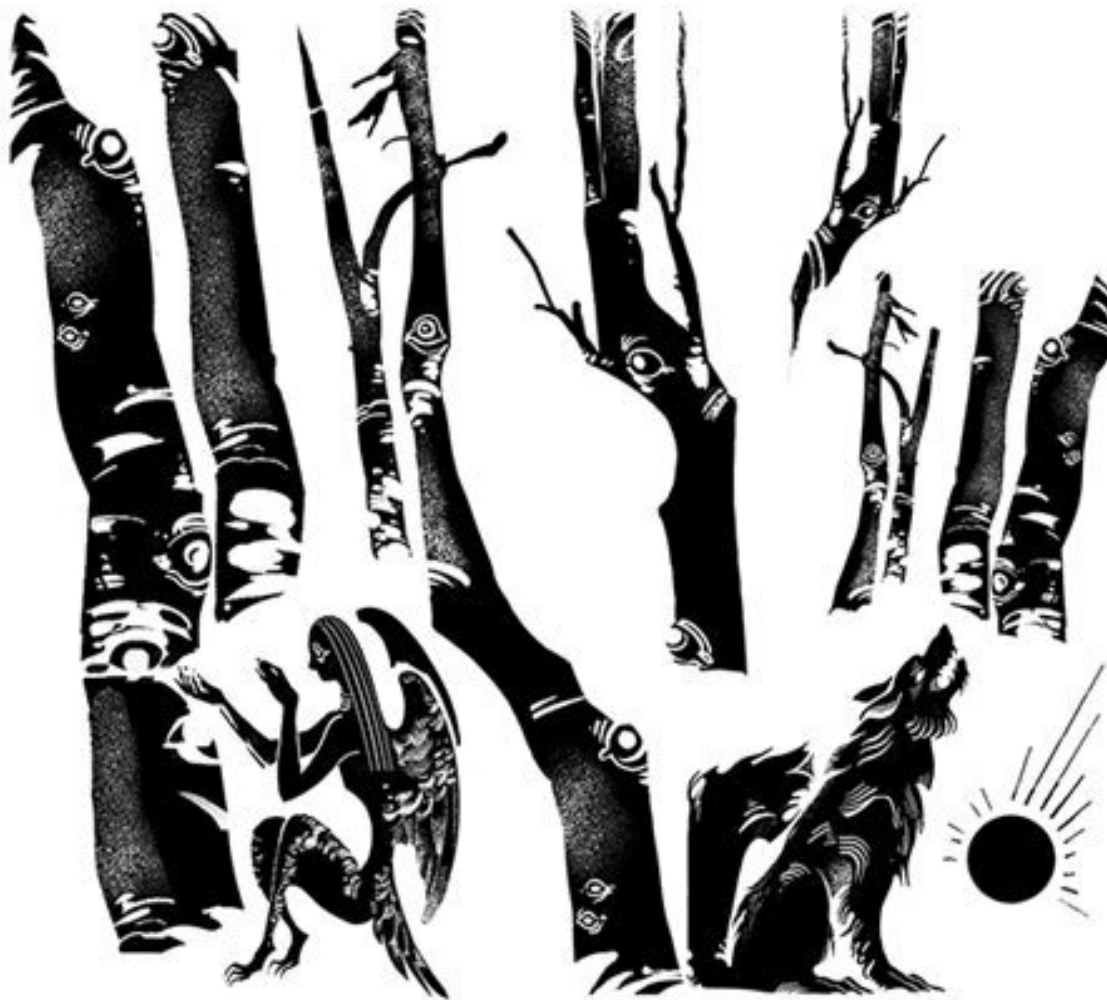
Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Хоффман Р., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

Мертвые заходят в дом

Ненавидел он первые заморозки, да и дыхание зимы затылком чувствовать ненавидел. За тварями по трясинам подмерзшим охотиться терпеть не мог: то по самый пояс в грязь стылую провалишься, то мордой об лед приложишься. Повезло, конечно, что на этот раз вороны позвали по плевому делу, которое они успешно разрешили, еще и на пути небольшой городок оказался – авось получится задержаться подольше, погреть кости да дедов вспомнить.

– Поди, о постели теплой мечтаешь, а, старый? Или о девке под боком?

– Не в моем возрасте о девках мечтать, ты у нас на это дело скорый, – отмахнулся Владимир, придержав лошадь. – Вон он, город-то. Быстро добрались.

– А ты ему не пеняй, Лён – юнец еще, ему положено о девках думать. – Рыж приложил ладонь к глазам и вгляделся в очертания крыш у горизонта. – До вечера доедем, если языками чесать не будете.

– Так чесать ими и на ходу можно, – справедливо заметил Лён. – Но хотелось бы в тепло побыстрее, у меня зубы стучат.

Мысленно Владимир с ним согласился – у самого руки сводило. Морозец хоть и слабый, но кусачий, а уж когда ветер в морду... Ни плащей зимних, ни сапог не успели добыть, прошлогодние сожгли еще весной – в грязное дельце вляпались, всю одежду испортили. Беда только, что монет не так много в кошельке осталось.

– На что плащи покупать будем? – спросил он, подгоняя лошадку.

– Может, в городе банник лютует или еще черт какой? Поможем, заработаем. – Лён пожал плечами.

– Или ведьма, – буркнул Рыж. – Давненько мы о них не слышали.

– И не слышал бы еще столько же, – откликнулся Владимир. – И что им не сидится в Черной Пади? Все лезут и лезут, лезут и лезут...

– Так те, которых прогнали, передохли, поди, – задумчиво предположил Лён, – а эти новорожденные.

– Передохли? Сопля ты зеленая, от чего ведьмам в Пади дохнуть? – Рыж хрипло рассмеялся. – Живут они сколько хотят, а охотников там нет.

– Скажи еще, что они города там свои построили и живут припеваючи.

– А может, и построили, нам откуда знать?

– Бабы? – На этот раз рассмеялся Лён. – Поглядел бы я на это.

– Иная баба тебя о колено переломить сможет. Ты давно наших видел, из Мрачного Взвода? – Владимир покосился на него.

– Но ведь ведьмы не...

– Умолкните уже! И без ваших глупых разговоров на душе тошно.

Рыж выглядел серьезным. Слишком серьезным для мужика, который обычно во все зубы скалился.

– Чуешь что-то? – тихо спросил Владимир.

– Аж блевать охота. Думается мне, не зря мы тут оказались, потрохами чувствую, что найдем жуть какую-то.

Пусть Рыж и был обычным охотником, порой чувствовал беду задолго до того, как та происходила. Владимир привык полагаться на друга, потому кивнул и снова поторопил лошадь, слегка сжав ее бока пятками.

Обычно осенью спокойно было, всякая нечисть успокаивалась, не то повинуюсь чьей-то воле, не то отожравшись за лето. Но с тех пор, как стали появляться ведьмы, все изменилось: когда хотели, тогда и призывали мор или еще заразу какую. И все это на плечи охотников валилось. Светозарным-то что – как сидели себе в Ясностане, так и сидят, носу из-за стен не показывают.

– Поесть заглянем куда или сразу у старосты отметимся?

Голос Рыжа отвлек Владимира от размышлений, и он пожал плечами, хмуро вглядываясь в мрачные околицы города.

– К старосте успеем, а вот поесть времени может не остаться, – заметил Лён. – Снова придется черствым хлебом давиться.

– Пока брюхо будешь набивать, кого-то и убить могут, – напомнил Владимир, безуспешно пытаясь скрыть рвущуюся с языка укориэну.

Он привык сперва дела делать, а потом уже расслабляться на постоялом дворе, никак не наоборот. Лён же, пусть и давно с ними охотился, юнцом оставался, порой считавшим собственные желания важнее долга.

– А ведь Радош говорил мне, что зря я за стариками увязался. В каждом твоём слове слышу голос бати, который уже пару лет как к дедам ушел. – Лён вздохнул, но неожиданно добавил: – Однако ты прав, не стану спорить.

Владимир бросил на Рыжа удивленный взгляд, старый друг ответил таким же. Во дела! Неужто юнец как охотник думать начал, а не как дите разбалованное?

Городок стенами не обнесли, да и походил он скорее на разросшееся село – ни камня белого, ни дорог мощеных. Ничем он не походил ни на Красную Ниву, ни тем более на Ясностан – так, не город, а одно название.

На узкой улице уже тихо было, только десятские¹ бродили. У одного из них и спросили дорогу, а как отъехали достаточно далеко, Рыж удивленно пробормотал:

– Староста-то неглупый у них. Смотри, и десятских собрал, и присматривать за улочками по вечерам велел.

– Или умный, или трусливый, – задумчиво возразил Владимир. – Сам же не пошел, вместо себя горожан отправил.

– С какой стороны посмотреть...

Поспорить не успели – спешились, лошадей оставили и вошли во двор, на который десятский указал. Стучать в дверь и пугать людей Рыж не стал, приложил ладони ко рту и громко позвал:

– Хозяин! Мрачный Взвод прибыл!

Долго ждать не пришлось: молодежавый мужик выскочил на крыльцо в исподней рубахе, торопливо перемахнул через ступенечки и подошел ближе.

– Чего орешь-то? Напугаешь всех. Тихо у нас, нет для вас работы.

– И давно тихо? – Рыж не смутился, только сложил руки на груди.

– После ведьмы не было ничего. Пара весен прошла уже.

Владимир вздохнул. Ну, нюх Рыжа не подвел: в городе действительно была нечисть, вот только ее давно изгнали.

– Не слыхал о вашей ведьме. Как все было?

Лён издал сдавленный стон. Владимир прекрасно его понимал – у самого нутро от голода скрутило. Но если Рыж вцепился, уже не оттащишь.

– Баба жила с детьми, муж из ваших был, – нехотя начал староста, – ну и не вернулся как-то с охоты.

Рыж кивнул:

– А дальше что?

– Она заперлась в избе и носу не показывала, – буркнул староста. – Забыли мы о ней, сперва дали время погоревать, а потом... – Он махнул рукой. – Потом хозяйка соседнего двора пришла ко мне, сказала, мол, на крыльце грязь, никто не входит и не выходит, дыма из трубы не видать давно. Я собрал мужиков, и мы пошли проверить, что стряслось. Вломились в избу, а там, даже не знаю, как объяснить... Мясом порченым воняет, запустение такое, будто никто не жил давно, пыль всюду, только отпечатки голых ног на полу. Да такие отпечатки, что стереть не удалось, а я попытался, честно скажу.

– Бабу нашли? – спросил Владимир.

– Не только нашли, еще и помешали ей. Но как она увидела нас на пороге, так сразу обратилась тварью какой-то, вылетела в окно. Детей оставила.

В голосе старосты появились до того тоскливые нотки, что даже Лён посмотрел на него с сочувствием.

– Мертвых? – Рыж задал вопрос холодно, но с утробным яростным рыком. Ненавидел он ведьм, как и каждый охотник, а уж если те над детьми измывались...

– Мальчишка живой, но выглядел как покойник. Лежал без чувств на полу. – Староста указал куда-то за их спины. – Там она, изба. Сходить хотите?

– Пойдем с нами. Заодно и расскажешь, что там за ни живой ни мертвый малец. – Говоря, Рыж пристально всматривался в темноту двора.

До двора вдовы дошли быстро, языками не чесали. Владимир по привычке внимательно вглядывался в закрытые ставнями окошки, прислушивался. Тихо было, спокойно. Даже подозрительно.

¹ Помощники старосты. Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

Он ступил в горницу первым и сразу вытащил из поясной сумки лучину. Пахло все еще скверно, такой смрад обычно стоял в местах, покинутых людьми, брошенных на растерзание природе и времени.

В свете запаленной лучины он разглядел мусор на полу, толстый слой пыли и следы, о которых говорил староста. Присев, Владимир всмотрелся в отпечаток ступни и поморщился – тот выглядел свежим, блестел от влаги.

– В избе никто не жил, а следы – будто хозяйка только-только мокрыми ногами прошла, – проворчал он.

– А котел почему посреди горницы стоит? Что тут... Да чтоб меня разорвало!

Лён отшатнулся, скривился, Рыж же даже шагу к котлу не сделал – и так понятно, кто и как его использовал.

– Мальчишку нашли в углу, – староста указал в темноту. – Тощий, перепуганный, выглядел мертвее мертвого. Но все же жив оказался. – Переведя дух, он продолжил: – А в котле... В котле сестру его нашли.

Прикрыв глаза, Владимир обратился к новому Богу, в которого с недавних пор верил больше, чем в тех, кто издревле защищал эти земли. Хороши защитники, ничего не скажешь, столько зла допускали, а после просто отринули людей и скрылись...

– Сама мать это сделала или в дом впустила кого-то? – Рыж задумчиво хмурился, поглаживая бороду. – Мальчишку расспросить нужно.

– Можете попытаться, но он молчит что твоя рыба. – Староста вздохнул. – Язык на месте, кроме пары шрамов никаких ран на нем не нашли, но ни слова не сказал за все это время. А девчонка...

– Жива осталась? – удивленно спросил Владимир. – Быть не может.

– Может, может. – Староста отмахнулся. – Ведьму мы спугнули, не дали ей завершить свою мерзость, а моя мать толковая знахарка. Конечно, ожоги исцелить ей не под силу было, но жизнь девчонке сохранила.

– И где она сейчас? – Лён все еще кривился.

– Мой брат увез ее к родичам в деревеньку, туда, за еловую рошу. Людей там мало живет, авось глазеть не так на бедняжку будут, привыкнут, – со вздохом ответил староста.

– На чудеса наш мир не больно-то богат, – проворчал Рыж. – Выходит, ведьму вы спугнули и?..

– Один из наших мужиков девчушку выловил из кипятка, все руки ошпарил, страшно смотреть было. Но ничего, мать чем-то обмазала его, тряпицами чистыми обернула... Пальцы не сгибаются больше, зато ребенка спас. – Вздохнув, староста продолжил: – Всем городом надеялись, что она выживет. Вот только что за жизнь теперь у нее будет? Она ж изуродованная вся...

– Любая жизнь лучше ямы или погребального костра, – уверенно заявил Лён.

Спорить с ним Владимир не стал, но мысленно не согласился. Зеленый, Лён еще не понимал, что жизнь совсем не мягким боком повернуться может. Что будет знать обожженная девочка? Насмешки и ненависть? Одиночество, потому что ни один парень на нее не посмотрит? Станет местным уродцем, байкой, которой матери детей пугать будут. Незавидная судьба. Тяжелая.

– И куда ведьма делась, вы не видели? – Тяжелую тишину нарушил Рыж.

– Я ж сказал – в окно вылетела, – повторил староста. – А куда потом ее понесло, знать не знаю.

– Скверно. – Владимир запалил от лучины огарок свечи. – Осмотримся, а ты домой иди. Только скажи, где мальчишку искать, утром с ним поговорить попробуем.

– Зачем? Уже пару зим он в приюте. Мы решили, что среди других детей ему лучше будет. – Староста выглядел пристыженным.

«Похоже, никто не захотел в дом мальчишку забирать, побоялись, а краснеет за всех один бедный мужик», – подумал Владимир, а вслух сказал:

– Найдем. Есть у вас где на ночь остановиться?

– От моего дома пройдете немного вперед и наткнетесь на высокий забор. Гости в городе редко бывают, постоянного двора нет, так что предложить могу только в амбаре поспать. Я калитку отопру, пройдете свободно.

– Ну хоть не в хлеву, – пробормотал Лён. – Я-то надеялся на перину...

– Спасибо. Иди тогда, мы еще к тебе наведаемся. – Рыж кивнул на дверь, явно давая старосте понять, что пора уходить.

Тот спорить не стал, положил на край стола ключ от замка и ушел. Рыж долго глядел на закрывшуюся дверь, а затем медленно сказал:

– Ты был прав. Может, он и хорошо управляет городом, но трус редкостный. Как и все здесь, похоже.

Владимир пожал плечами:

– Когда в городе появляется ведьма, которая ребенка убить пыталась, смельчаков обычно не остается, сам знаешь.

– Но мальчишку могли в семью забрать, – вмешался Лён. – Ладно девочка – пара вздохов до смерти, – но он-то в порядке. И вообще, какого лешего мы тут делаем? Столько времени прошло!..

– С мое поохотишься, сам поймешь. – Рыж запалил второй огарок и отошел к котлу. – Давайте, братья, быстрее начнем – быстрее закончим.

В избе ведьмы так ничего и не нашли – пыль да грязь, тоскливая заброшенность. За тонкой дверью обнаружилась каморка – еще более унылое место. Если горница казалась просто давно покинутой людьми, то два сырых тюфяка, брошенных на грязный пол, заставили сердце Владимира дрогнуть. Он стоял и глядел на них, сжимая свечу, не замечая, что воск стекает по пальцам. Горько, как же горько ему стало!..

Лён притих тогда, постоял рядом и ушел, но Владимир успел заметить гримасу, искажившую молодое лицо. На нем отразилась боль, та же боль, которая ему самому была известна слишком хорошо. Своих старших он схоронил уже давно и не помнил точно, сколько зим минуло с тех пор. Лён же, должно быть, еще не забыл, что такое быть нелюбимым сыном.

Владимир присел у тюфяка, поддел край ножом и скривился: спавший на нем ребенок мочился под себя, а мать и не думала хотя бы сменить солому. Пол плесенью пошел, а вонь стояла такая, что пришлось отвернуться и откашляться, чтобы не стошнило.

Жизнь завертелась перед глазами, смешались дороги и тропы, леса и деревни... Владимир увидел себя, еще молодого и глупого. Слабого. Старший сын, главная гордость, помощник батюшки и отрада матушки. Силач, красавец, темноокий и чернокудрый, а уж как за ним девки вились!.. И семья хорошая, зажиточная: большой терем, стадо коров, козочки...

И закопанный в поле младший брат, защитить которого от пьяного бати Владимир не сумел.

Он тогда во всем от него зависел, думал, смысл жизни в том, чтобы быть хорошим сыном и заслужить право управлять большим хозяйством, когда батюшка постареет. Хорохорился перед друзьями, мол, «да я, да я...», а сам яйца выеденного не стоил, все напускное.

А вот Мирослав другим был. Тихий, неприметный, будто и не из тех же корней вырос. Но воля у него была несигибаемой: если сказал что, то не отступит, никогда слов на ветер не бросал.

В тот вечер сцепились они с батей не на шутку. Владимир и не помнил уже, в чем дело было, знал только, что никогда Мирославу не нравилась любовь батюшки к огненной воде. Выпив, тот мог и матушку поколотить, и собак дворовых, за которыми брат приглядывал. Вла-

димир терпел, даже если самому перепало, а Мирослав всегда за мать заступался, с самого детства. Вот и в тот раз в драку полез.

Память милостиво затянула воспоминания о той ночи непроглядным туманом. Вот они сцепились, вот Мирослав впервые всерьез ударил бату... А в следующее мгновение Владимир уже стоял на коленях у неподвижного тела, растерянно глядя на темную лужу, расплзавшуюся под головой младшего брата.

И что он сделал? Вышвырнул батюшку из дома? Дотащил до порога старосты? Настоял, чтобы его судили на вечевом собрании?

Нет.

Он трусливо смолчал, помог батюшке завернуть тело Мирослава в мешковину и положить в телегу, вывезти в поле и закопать. А после до самой осени делал вид, что брат уехал в столицу, ни словом не обмолвился о гнусном убийстве.

Потом матушка начала болеть. За ней и батя слег. Владимир слышал, как ночами *нечто* бродило вокруг дома, как оно стонало и царапало ставни. Днем находил следы босых ног на влажной земле. Сперва не понимал, что за тварь повадилась их навещать, а в одну из ночей вдруг понял: во дворе стояла мертвая тишина. Собаки не брехали.

По сей день Владимир с ужасом вспоминал ту ночь. Сколько нечисти повидать успел, а все равно волосы на затылке шевелились. Тогда он понял: собаки молчали, потому что знали того, кто приходил. Потому что он кормил их и спускал с цепи, давая порезвиться.

На следующее же утро Владимир собрался и уехал в соседнее село. Сбежал. Потом вернулся, похоронил стариков, распродал хозяйство и поехал в поле.

Долго костер горел. Дым поднимался смрадный, густой. Брату в лицо посмотреть он так и не решился, но все же заметил руку, не накрытую мешковиной, – та совсем не изменилась, только посерела да когти звериные отросли.

– Долго здесь сидеть будешь?

Владимир крикнул, выпрямился и тряхнул головой. Рыж смотрел с пониманием, скрытым за суровостью бывалого охотника. Все они знали о судьбах друг друга: охотясь вместе, волей-неволей проговоришься, а уж если выпьешь чего...

– Хреновая она мать была, – сказал Владимир.

– То есть котла в горнице тебе мало было, чтобы это понять? – Рыж мрачно усмехнулся. – Ничего не нашли. Так, грамоты какие-то, мусор. Не понимаю, как дети здесь жили?

– Плохо жили. Пойдем.

И они ушли, заперли вдовью избу, устроились на ночь в амбаре.

Владимир и так ложился, и эдак, но сон не шел, и даже Дрёма к нему не заглянула. Рыж раскатисто храпел, Лён посапывал рядом, растянувшись на сухом сене, но сердце не на месте было, болело, хоть Владимир и не понимал о чем. Или о ком.

Он перевернулся на другой бок и зажмурился. Как же он ненавидел вспоминать того, кем был прежде! Ему хотелось, чтобы тот сынок богатых стариков сторел в пламени вместе с невинно убиенным братом. Но он выжил. Выжил и стал охотиться на нечисть. И должен продолжать.

Мальчишка глядел на них, но молчал. Вопросы Рыжа от него как горох от стены отскакивали. И так охотник к нему подходил, и эдак, но ответом ему была тишина.

– Говорю – умом повредился, – настаивала баба, сама выглядевшая так, что хотелось ее только пожалеть.

На груди у нее малыш висел, еще двое за юбку тянули. По лицам видно было, что боги их коснулись – глазки затуманенные, невидящие. Владимир с жалостью на нее смотрел: ведь хорошим делом занимается, осиротевших спасает, а никто из соседей помочь не вызвался.

– Никакого толку. – Рыж оставил попытки разговаривать мальчишку. – Не хотелось признавать, вот только баба права: малец смотрит на меня, но не видит будто.

– Видит он все, – возразил Лён. – Только говорить не хочет. А ты бы хотел? Сестру родная мать в котел сунула!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.